

УДК 159.923.2

ЗНАНИЕ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОСНОВАНИЕ МИРА ЛИЧНОСТИ

В.А. Сурodeйкин

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (г. Тверь)

Анализируется знание как экзистенциальное и социокультурное основание мира личности. Автор признает, что в современном информационном обществе научное знание способно влиять на решение многих социальных и культурных проблем. Однако научное знание не способно охватить экзистенциальную сферу. Между тем информационное общество усиливает экзистенциальную напряженность человека. Глобальные потоки информации и широкий спектр возможностей использования компьютерных сетей и технологий вынуждает человека пребывать в состоянии напряженности, необходимости выбора, идентификации ускользающего бытия, постоянного риска и переструктурирования проблемного поля своего существования.

Ключевые слова: *знание, экзистенция, информационное общество, выбор, риск.*

Понятие знания по сути своей традиционно тяготеет к сфере рационального, т. е. адекватно отображенного, целесообразного, логического, обоснованного. Усложняющиеся реалии информационного общества заставляют задуматься о том, что ранее казалось очевидным: всегда ли знание демонстрирует обладание опытом и пониманием, насколько оно позволяет осваивать окружающий мир, в какой степени его можно противопоставлять незнанию, невежеству? Ответы на эти вопросы уведут исследователей из рациональной сферы вглубь, в пласты экзистенциального измерения человека. Экзистируя, буквально «выходя» за собственные пределы, «выпадая» из обыденного существования, личность пытается прорваться к своей подлинной основе, к своему подлинному «Я».

Мир личности уникален и представляет собой сложный и многомерный континуум, разворачивающийся от глубинного самоощущения до вербализации концептуализированных представлений о себе. Эти представления взаимосвязаны с жизнедеятельностью человека, с теми смыслами и ориентирами, которыми он руководствуется в своей повседневной жизни. Погруженная в динамично изменяющийся мир, личность впитывает его нормы, ценности и идеалы, ранжируя их в соответствии с собственными жизненными установками и социальными ролями. В таком, по словам Ж.-П. Сартра, «круговороте самости» личностный мир оказывается под воздействием жизненного мира, осуществляющего постоянную перекачку информации и знания извне и формирующего тем самым многообразные узлы коммуникации [9, с. 134]. Сегодня особо отчетливо высвети-

вается проблема взаимосвязи экзистенциального выражения человека и его сознательного конституирования собственного личностного мира со всеми его вещами, отношениями и свойствами. В экзистенциальном измерении человек – постоянно рефлексизирующее существо, благодаря наличию сознания и самосознания. Экзистенциальные вопросы не всегда рефлексизируются личностью, но воздействуют на нее, держат в состоянии напряжения. Вольно или невольно человек задается вопросами «почему я это сделал?», «зачем?», «в чем смысл моего действия?». Экзистенциальные вопросы связывают воедино допроблемную гносеологическую ситуацию с проблемной. «Я не знал этого и не знал, что не знал», - рассуждает человек. Глобальные информационные потоки, циркулирующие в современном мире через Интернет и масс-медиа, усиливают подобное состояние: не знал – было спокойно, узнал – растревожился.

Экзистенция представляет собой то центральное ядро человеческого «Я», благодаря которому последнее выступает не как нечто всеобщее, а как конкретная неповторимая личность. Человек стремится реализовать в себе всю полноту существования, но это невозможно. Будучи далеким от того, чтобы быть абсолютным законченным единством в себе самом, он обнаруживает в себе лишь относительное, фрагментарное единство. Даже если рассматривать человека во всей полноте его самораскрытия, он никогда не достигнет полноты бытия, он может быть всего лишь частичным проявлением бытия. Человек стремится преодолеть границы собственного существования, расширить их. Это его экзистенциальное свойство. В желании прорваться к своему подлинному бытию человек испытывает предельное напряжение. Только в испытаниях, в мучительном противостоянии жизненным трудностям можно осознать всю глубину своего существования. Именно поэтому философам понадобилось словосочетание «человеческое бытие» как предельно обобщенное выражение человеческих возможностей. Однако большинство людей вполне могут удовлетвориться обычным природным существованием, раствориться в недрах социальной анонимности, не пытаясь прорваться к истине бытия. В этом случае возникает ощущение «ускользающего бытия» [3, с. 107–109].

Информационное общество усиливает экзистенциальную напряженность человека. Глобальные потоки информации и все расширяющийся спектр возможностей использования компьютерных сетей и технологий, вынуждают человека пребывать в необходимости выбора, идентификации ускользающего бытия, постоянного структурирования и переструктурирования проблемного поля своего существования.

В своей напряженности индивид использует многие жизненные резервы, важнейшим из которых является состояние «вопрошания» или знания. Этим объясняется давний и устойчивый исследовательский интерес к сущности знания. С античных времен реалистическая философия толковала знание в качестве результата процесса познания сквозь

призму двух утверждений: имеется начало *principium essendi* (начало существования) и начало *principium cognoscendi* (начало познания), по которым все долженствующее быть существует, а все существующее познаётся [4, с. 277]. Подобные установки сначала распространялись на науку: считалось, что именно она достигает абсолютно достоверного исчерпывающего знания о мире. Позже такая позиция была скорректирована: о возможности абсолютно достоверного знания исследователи стали рассуждать только в контексте плодов деятельности человека.

В классическом понимании знание – подтвержденный практикой результат познания действительности; итог познавательного процесса, который связан с обретением истины. Большинство философов сходятся в убеждении, что органы чувств и сознание человека как субъекта познания обладают способностью более или менее правильно отражать реальность, которая существует сама по себе, независимо от субъекта, как некий каркас его мира. Проблема «мнение - знание» в широком смысле сводится к одному: человек исходит из убеждения, что его знания верны и это убеждение помогает ему адекватно выстраивать свой жизненный мир.

За последние десятилетия в западной и отечественной социальной философии накопилось множество интерпретаций феномена знания. Основанные в своем большинстве на критической оценке объективистского подхода, эти версии признают эвристическую значимость неявного знания (М. Полани); рассматривают знание как «состояние сознания» или «ментальное состояние» (К. Поппер); как сферу экзистенциального выражения человека (П. Тиллих); как знание с широкой формой компетенции, близкое к рассказу (Ж.-Ф. Лиотар); как базовую форму жизни, тождественную риску (В.В. Ильин) [4–8]. Несмотря на очевидную пластичность, все трактовки знания позволяют оценить приоритетное значение субъективного утверждения или переживания. Тем самым проблема очевидной интерпретативности знания, истинность которого теперь не носит абсолютного характера, перемещается из сферы собственно когнитивного в сферу бытия субъекта, в условия возможности его личностных переживаний, познания, деятельности и коммуникаций.

Знание издавна разделяют на «обыденное» и «научное». В основе обыденного знания лежит то, что обычно называют здравым смыслом. В основе научного знания – логическая обоснованность, доказательность, воспроизводимость познавательных результатов. Каждое из этих видов знания имеет свою ценность. В условиях информационного общества с его неизбежностью ускорения процессов принятия решений и расширением горизонта личностного выбора ценность научного знания приобретает особый характер, так как считается, что именно его носитель («интеллектуальный агент») в большинстве ситуаций способен принять наилучшее возможное действие. Появление информационных и коммуникационных технологий, в частности Интернета и беспроводных технологий, привело к беспрецедентному возрастанию скорости накопления и передачи информации, и, главное,

к усилению потребности в осмыслении ее гуманистической направленности. В связи с этим научное знание начинает утрачивать свой чисто академический характер. Сегодня выдвигается на передний план проблема различия между научным и нарративным знанием, т. е. знанием доказательным и знанием в форме рассказа. Осознается несводимость знания только к «научному» знанию, подчеркивается важность различных форм вненаучного знания. Это тонко подмечено Ж.-Ф. Лиотаром, предложившим различать «дискурс и нарратив». В своих рассуждениях он не сводит знание только к науке и специальному познанию. Речь идет, с одной стороны, о знании как совокупности денотативных высказываний, а с другой – о знании с широкой компетенцией. Во втором случае критерием знания выступает не только истина, но и техническая квалификация, нравственные суждения, даже чувственная окраска его представлений и др. Знание всегда находится в опасности «фальсификации», неопределенности и риска [5, с. 45–60]. Эта проблема, как показал Ж.-Ф. Лиотар, становится значимой и в социокультурном плане – при рассмотрении связи и различия модерна и постмодерна.

Будучи встроенным в общий континуум мира личности, знание становится узловым в его системе норм, ценностей и идеалов. Информатизация всех сторон общественной жизни и культуры высвечивает динамику развития современного общества: от «постиндустриального» общества – к «информационному» типу общественного устройства и далее – к «обществу знания». В теориях постиндустриального общества знание рассматривалось как «товар», оно виделось составной частью социальных инвестиций, общественным продуктом, своего рода «коллективным благом» [1, с. 238]. В теориях информационного общества знание стало определяющим в понимании содержания и функционирования власти. Разработчики концепции общества, основанного на знании, наделили знание новым значением, назвав его ключевым «жизненным ресурсом» человека, способным оказать влияние на решение многих социокультурных проблем.

Такое центрирование знания стало существенной чертой современного типа информационного общества. Знание определяется как совокупность субординированных факторов или суждений, представляющих собой аргументированное утверждение или экспериментальный результат, способный быть переданным другим людям с использованием ряда средств связи в определенной систематической форме [там же, с. 235]. Научное знание как самокорректирующееся в условиях информационного общества видится основным ресурсом производства, управления, культуры в новых исторических реалиях.

Необходимо отметить, что по сравнению с другими ресурсами жизнедеятельности человека знание обладает рядом специфических черт: конкурентностью, нелинейностью, относительностью, кумулятивностью, символичностью. В информационном обществе знание становится одним из

самых мобильных ресурсов: оно неисчерпаемо и накапливается с возрастающей скоростью. Противоречивость использования знания заключается в его кажущейся доступности: на деле знание может стать элитарным, когда оказывается доступным только тем, кто может по своим способностям или своему образованию его усвоить и обладать им.

Различные типы знания (естественно-научные, математические, социально-гуманитарные и технические) приобретают особую значимость в условиях риска и неопределенности, коими насыщено современное динамично изменяющееся информационное общество. Возрастающая доступность знания в связи с внедрением и распространением Интернета, с умением пользоваться информационно-технологическими средствами порождают ситуацию резкого увеличения возможностей выбора у человека. Реальной проблемой становится не отсутствие знания, а его избыток. Возникает вопрос, насколько человек, сориентированный на рациональное использование знания (здесь «рациональное» понимается как адекватно отображённое, целесообразное, логическое, разумное и обоснованное).], может определить среди множества альтернатив правильное направление мысли и действия?

Человек изначально тянулся к знаниям. Он видел в этом некий путь своего развития, своего благополучия и своей безопасности. Когда он пытался узнать что-то новое, то приобретал опыт, который использовал в своей жизни, и ему было любопытно узнать, что будет дальше. Это естественное свойство человеческого мозга – узнавать все новое. В своей тяге узнать больше новых фактов человек стремился к безопасности и благополучию. Знание и опыт давали ему возможность избегать риска, более комфортно существовать. Современный человек, сориентированный на использование научного знания, вероятнее всего определит среди множества альтернатив правильное направление. Однако и здесь он со всей очевидностью сталкивается с проблемой риска. Потенциальные проявления социокультурного творчества человека по своей природе неоднозначны, неопределённые. По мнению В.В. Ильина, именно эти свойства характеризуют глубинные основания рисковости. Общество, социально-политическая реальность, социосфера, выступая творением человека, определенным образом являются «рисковыми» [4, с. 278].

Риск – важнейшая экзистенциальная характеристика бытия личности, весьма специфично реализующаяся в современной постмодерной ситуации. Сам по себе экзистенциал риска может быть расшифрован прежде всего через такие важнейшие бытийные константы, как свобода, бытие-в-ситуации, выбор, ответственность, забота, удивление и др. Экзистенциал риска по-разному проявляется в различных дискурсивных контекстах, в том числе – в состоянии «удивления», «со-мнения» «выбора». Иными словами, напряженность всех жизненных сил человека заставляет его пребывать в состоянии поиска информации и принятия выбора. Рассмотрение знания, представленного в различном дискурсивном оформлении, приво-

дит к вопросу о тех предпосылках, которые определяют его доминанту. Вопрошание («чтойничанье») - экзистенциальное состояние человека. Знание – не самоцель, а средство постижения духовной упорядоченности, выражение огромного человеческого духовного потенциала: «Я вопрошаю, значит, я существую». Попасть в соответствие, быть современным эпохе – вот цель человека, пребывающего в состоянии удивления, вопрошания. «Удивление – исток философии... В удивлении мы удерживаем себя, словно отступаем перед сущим... Удивление есть расположенность, в которой и для которой раскрывает себя Бытие сущего. Удивление есть «настрой», - рассуждал М. Хайдеггер [10, с. 113–123].

Если следовать в направлении мысли М. Хайдеггера, то научное знание есть «настрой», «холодный расчет и трезвость ума». С одной стороны, научное знание формируется и фиксируются специфическими научными методами и средствами (абстрагирование, анализ, синтез, вывод, доказательство, идеализация, систематическое наблюдение, эксперимент, классификация, интерпретация, язык). С другой стороны, подобно иным формам культуры, оно уходит своими корнями в пространство жизненного мира. И эмпирическое, и теоретическое знание так или иначе питаются живительными соками сферы жизненного мира. Объективирующие усилия рассудка имеют в жизненном мире неисчерпаемый резервуар ресурсов. Опираясь на них, рассудок не просто возводит фундамент эмпирического и теоретического знания, но и проецирует в поле научного дискурса калейдоскопическое многообразие картин реальности [2, с. 417].

Научное знание играет роль решающей силы социального воспроизводства и эволюции, никогда не прекращающейся самокоррекции, самонастройки систем, основанных на субъект-субъектом взаимодействии. В силу своих преимуществ – бесконечности, общедоступности, демократичности – знание превзошло силу и богатство и стало определяющим фактором функционирования власти в современном мире. И все же следует признать, что научное знание не охватывает экзистенцию. Даже при совпадении научных воззрений люди могут быть совершенно чужды друг другу в напряжении своих жизненных сил, в порывах и переживаниях. В какой-то мере неявное знание, не имеющее четкого дискурсивного и операционального оформления, ближе в этом отношении к экзистенциальным характеристикам личности. Хранилищем неявного знания является сфера чувственной и интеллектуальной интуиции, а использование его сродни искусству и мастерству, которые передаются от учителя к ученику «из рук в руки». В этом смысле неявное знание сродни по своей энергетике интуиции, личностному знанию.

Выбор – вот что вернее всего объединяет научное знание и экзистенцию. Индивид постоянно находится в ситуации выбора, которая всегда уникальна, так как жизненный контекст его бытия в значительной степени неповторим. Риск выступает как характеристика возможных результатов поступков, определенное множество которых оценивается рефлекс-

сивно как таящая угрозу для субъекта и нежелательное для него. Одновременно очевидно, что риск – неперемное сопутствующее обстоятельство творчества, предполагающего порождение новизны: опредмечивая свои силы в ранее не существовавшем мыслительном или вещном результате деятельности, субъект рискует получить негативные или совсем непредвиденные последствия. В этом и состоит то, что в романтической мысли получило название «иронии истории». Проецируемые векторы выбора зависят от ситуированности индивида во времени, переживаемой как пребывание на перекрестке прошлого, настоящего и будущего.

Применение знания совершило настоящую революцию в производительности труда и уровне жизни человека. Самым значительным достижением знания становится то, что оно позволяет осуществить переход от общества «предопределенности» к обществу «сознательного выбора». На протяжении многих столетий человек не располагал особым выбором. Всем известны выбор профессии по принципу «от отца к сыну», «цеховая» традиция организации средневекового европейского общества, кастовость как норма жизни индусов и другие примеры. Для современного общества становится новой тенденцией то, что человек может зарабатывать на жизнь, занимаясь практически чем угодно, применяя любой вид знаний. Умственный труд ставит перед человеком особые требования, безграничные по своему характеру. Информационный работник начинает играть двойную роль: с одной стороны, он выполняет функции «капиталиста», владея средствами производства через пенсионные фонды, инвестиционные программы и т. д.; с другой стороны, представитель образованного среднего класса материально зависит от своего работодателя, от своего жалованья и дополняющих его пенсионных пособий и медицинской страховки. Таким образом, информационный работник одновременно выступает и в роли «служащего», и в роли «работодателя». Возникает скрытый конфликт между отношением информационного работника к себе как к «профессионалу», получившему хорошее образование, и той общественной реальностью, в которую он погружен. Наиболее ярко это противоречие проявляется у молодых специалистов, у которых желание быть «интеллектуалом» на практике ограничивается повседневной участью простого «служащего».

В современном типе информационного общества, где знания становятся основной целью, ведущим средством, главным результатом деятельности большинства занятого населения, информационный рынок по определению становится господствующим. Владение информацией и знаниями опосредует все социальные отношения, поэтому знание начинает обладать свойством ключевого ресурса жизнедеятельности отдельного человека и организации общества в целом.

В информационном обществе понятия «быть рефлексивным существом» и «быть современным эпохе» становятся тождественными. Рефлексивный человек суть множества совершенных им актов выбора. Че-

ловек всегда открыт для нового, удерживая так или иначе прошлое. Жизнь каждой личности – это собственный риск выбора и ответственности. В каждом отдельном акте выбора (эмпирическом поступке, слове, жесте, взгляде и т. д.) символически реализуется проект личности. Путем сравнительного анализа различных действий личности, через наблюдения, через тексты как знаково-символические системы, свидетельствующие о жизни человека, этот проект может быть расшифрован. Информационное общество порождает создание все новых и новых ситуаций, изменяющихся со временем и сам жизненный проект самораскрытия личности, и средства его расшифровки.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М., 2005.
3. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М., 2004.
4. Ильин В.В. Социальный риск // Философия. Т. 2.. Ростов н/Д., 2006.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.;СПб., 1998.
6. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. 2-е изд. М., 2009.
7. Полани М. На пути к посткритической философии. М., 1985.
8. Поппер К. Логика и рост научного знания: избр. работы. М., 1983.
9. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2002.
10. Хайдеггер М. Что такое философия // Вопросы философии. 1993. № 8.

KNOWLEDGE AS AN EXISTENTIAL, SOCIAL, AND CULTURAL BASIS OF A PERSONAL WORLD

V.A. Sourodeikin

Tver State University (Tver)

Knowledge is analyzed in the article's format as an existential property of a personality. In the information society, scientific knowledge can influence the approach to a variety of social and cultural issues. However, scientific knowledge is not able to portray the existential sphere. The information society conditions accelerate and reinforce existential problems of a human person. Global flows of information, a wide range of technology and computer networks are producing constant necessity of choice, search for personal identity in view of the multiple challenges and risks of today's world.

Key words: *knowledge, existence, information society, choice, risk.*

Об авторе:

СУРОДЕЙКИН Владимир Алексеевич – соискатель кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета. E-mail: surodey-v@yandex.ru.